

УДК 80/81
ББК 81.2
Ф 59

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-04-16041

Отв. редактор:
д. филол. н. А. И. Кузнецова

Редакторы:
Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина

Рецензент:
д. филол. н. В. И. Подлеская

Ф 59 Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания.
Формальный и функциональный подходы: Сб. статей. — М.: Рукописные
памятники Древней Руси, 2012. — 880 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0531-4

В книге рассматриваются вопросы фонетики, синтаксиса и грамматической семантики финно-угорских языков — лугового марийского, коми-зырянского, удмуртского и эрзя-мордовского языков. Исследования основываются на материалах полевой работы в экспедициях МГУ им. М. В. Ломоносова в 2000—2010 гг. Вместе с исследованиями по грамматике публикуются образцы текстов, записанные в экспедициях.

Книга представляет интерес как для финно-угроведов, так и лингвистов-типологов, специалистов по общему языкознанию, синтаксической теории, теории грамматики и типологии родственных языков.

ББК 81. 2

В оформлении обложки использована репродукция картины
И. И. Левитана «Осенний пейзаж»

ISBN 978-5-9551-0531-4

© Авторы, 2012
© Рукописные памятники Древней Руси, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская)	17
Взаимовлияния и связи финно-угорских языков: финно-волжские и пермские языки глазами антропологов, этнографов и лингвистов (А. И. Кузнецова)	26
Часть I. Сопоставительные исследования по финно-угорским языкам: фрагменты грамматического описания	
1. Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками (А. И. Кузнецова)	41
2. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках (Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова)	59
3. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках (М. Н. Усачёва)	142
4. Категория числа существительного в марийском и пермских языках (М. С. Шматова, Е. А. Черниговская)	221
5. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках (А. И. Кузнецова) ..	250
6. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках гипотезы минимализма (А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев)	262
7. Повышающие актантные деривации в финно-угорских языках (А. Б. Летучий, Д. И. Коломацкий)	340
8. Отрицательные конструкции финно-угорских языков как проблема теории языка (Д. А. Паперно)	356
9. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках (Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева)	382
10. Системы причастий в марийском и пермских языках (М. М. Брыкина, Н. Б. Аралова)	476
11. Финитные относительные предложения в марийском и эрзя-мордовском языках (Н. Б. Аралова, М. М. Брыкина)	521
12. Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках (А. А. Волкова)	543
Часть II. Частные исследования по финно-угорским языкам	
1. Вокализм бесермянского диалекта удмуртского языка на материале говора д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии (Р. И. Идрисов)	591

А. И. Кузнецова

КУМУЛЯЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ: ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОСЕССИВА В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ*

Обычно считается, что в языках агглютинативного типа, к каковым относятся (с некоторыми оговорками) уральские языки, наблюдается бо́льшая, чем во флективных языках, определенность и однозначность формы. Однако при ближайшем рассмотрении данных языков в них обнаруживается ряд черт флективного строя, прежде всего таких, как кумуляция грамматических значений в некоторых суффиксальных показателях и фузионные процессы на стыках морфем и в корнях.

Во многих языках дейктические и посессивные значения тесно связаны между собой: посессивные формы используются для выражения анафорической связи между первым и последующими упоминаниями лица или предмета. Дейксис существует и на грамматическом, и на лексическом уровнях (как, впрочем, и посессивность) во всех уральских языках, но выражается по-разному. В отличие от большинства языков данной семьи в мордовских имеется специальное указательное (определенное) склонение, благодаря чему отпадает необходимость выражать дейксис на грамматическом уровне с помощью анафорической отсылки, как это делается в других языках.

Посессивность почти во всех уральских языках — грамматическая категория, реализующаяся в трехчленной системе оппозиций; система обладает четкой структурой: противопоставлением друг другу рядов личных форм единственного и множественного числа. В показателе посессивности обычно наблюдается синкретизм: лично-притяжательные суффиксы означают не только принадлежность, но и определенность; они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функции, конкретно устанавливаемые лишь из контекста, и некоторые другие. При этом в одних уральских языках показателями посессивности выражаются все перечисленные грамматические значения, в других — лишь часть из них. Значения данной категории образуют своеобразную семантическую сеть, в которой можно выделить разные зоны: четко противопоставленные друг другу и пересекающиеся

* Настоящая статья, впервые опубликованная в сборнике «Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Сб. ст.» (под ред. П. Суйхконена и Б. Комри. Ижевск; Лейпциг, 2003. С. 249–259), издается здесь вторично с согласия редакторов. Нами были внесены небольшие изменения, касающиеся способа представления примеров и сокращений. — *Прим. ред.*

ся, древние и новые, сильно или слабо зависимые от контекста и т. д. Собственно посессивное (притяжательное/принадлежностное) значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частоты встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как тивное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное), детерминативное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное) и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммемы.

В данной статье речь пойдет только о тех — часто едва уловимых и с трудом различимых — вторичных функциях посессива, которые соотносятся со словами в тексте, имеющими общий с ними референт. Это прежде всего **дейктические значения** (указательно-выделительное, усилительное, близкое к ним значение определенности), сопутствующие основному значению принадлежности.

Анафорические отношения, существующие между посессивностью и дейксисом, выявляются в речи с помощью притяжательных суффиксов, как правило, 3-го лица единственного / множественного числа, реже — 1-го и 2-го лица. В **марийских языках** (в частности, в горно-марийском) анафорическое употребление посессива в указательно-выделительном значении особенно отчетливо видно в случаях присоединения суффиксов посессива к существительному, уже оформленному притяжательным суффиксом. В случае наличия в слове сразу двух суффиксов посессива первый имеет собственно принадлежностное значение, а второй приобретает дейктическое значение, дополнительно выделяя обладателя; иначе говоря, — относится именно к показателю притяжательности, а не к существительному (обладаемому), им оформленному:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (1) ўдыр-ем-же
дочь-1sg-3sg
а. моя-**то**¹ дочь
б. дочь моя-**то**

У Г. М. Тужарова [1987: 67] перевод «дочь-то моя» предполагает эмфатическое выделение обладаемого, а не обладателя.

- (2) Савик-ын   äва-же-т²
Савик-GEN   мать-3sg-2sg
Савика, мать его-**то**³.

¹ Нередко один и тот же пример, как приведенный в данном тексте, разные авторы интерпретируют различно при сходных контекстах: то как имеющий указательное значение [Тужаров 1987: 67], то как значение определенности [Коведяева 1993: 155], что лишний раз свидетельствует о близости этих значений.

² По мнению авторов предисловия к марийско-русскому словарю В. М. Васильева, А. А. Саватковой и З. В. Учаева, «притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа часто употребляется в значении русской указательной частицы *-то*» [1991: 473], тогда как Г. М. Тужаров допускает подобное дополнительное значение суффикса притяжательности и у суффиксов 2-го и 3-го лица [Тужаров 1987: 66], как в примерах (1), (2).

³ У Г. М. Тужарова [1987: 67] перевод дан без частицы: «мать Савика».

Судя по переводам на русский язык, приведенным Г. М. Тужаровым, этих и других примеров, можно предполагать, что притяжательные аффиксы в роли эмфатических указательных частиц определяют обладаемое (дочь, Савик), в то время как практически всегда говорить об отношении конечных суффиксов к обладателю (я, он). При этом оказывается, что неотчуждаемая/отчуждаемая собственность даже в группе имен родства в зависимости от точки отсчета (фокуса внимания) может меняться: с позиции родителей, дети — их собственность, а с позиции детей — в точности наоборот.

В отличие от примеров (1) и (2), во многих случаях требуется контекст, только благодаря которому становится очевидным, что суффикс притяжательности выполняет анафорическую функцию, обычно указывая на кого/что-либо при вторичном упоминании о предмете или человеке (причем может быть использован суффикс лютого из трех лиц, иногда придающий пейоративный смысл объекту высказывания):

ГОРНО-МАРИЙСКИЙ

(3)	Савва	Иваныч-ет	ну и йў	мемна-н	вўр-ым!
	Савва	Иванович-2sg	ну и пил	мь.obl-gen	кровь-acc
	<i>Савва Иванович-то (букв. «твой») ну и пил нашу кровь!</i>				

При использовании посессивного суффикса часто бывает трудно разграничить указательно-выделительное и усилительно-выделительное анафорические значения, как, напр., в репликах диалога (в котором речь шла о женихе общей подруги), записанного мною в с. Старый Торъял новоторъяльского диалекта лугово-восточного марийского языка:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ (СТАРЫЙ ТОРЪЯЛ)

(4)	Мэј	от	pale	ala-mo.
	я	NEG.PRS.1SG	знать	INDEF-ЧТО
	— Saša-že,	pał-et.		
	Саша-емри	знать-prs.2sg		
	<i>Я не знаю, что-то. — Саша-же (-то), знаешь (ведь).</i>			

В приведенных примерах суффикс выполняет функцию постпозитивной частицы со значением усилительно-выделительным. Однако нередко посессивный суффикс полностью десемантизируется, что обычно происходит при употреблении суффиксов 1-го и 2-го лица, как в следующем примере, взятом из указанной книги Г. М. Тужарова (здесь и в следующем примере из коми языка глоссируются лишь слова с анализируемыми аффиксами и дается пословный перевод всей фразы): л.-мар. *Ваштарешы-же офицер шинча... Мый вигак омсаиш пурен шогальым. «Руки вверх!» — кычкырем. Саде офицер-ем (1sg) йоршын шулыш.* «Напротив-нее (женщины. — А. К.) офицер сидит... Я сразу в дверь вошел. «Руки вверх!» — кричу. Тот офицер-мой совершенно обмяк»⁴. Впрочем, сам Г. М. Тужаров считает, что в данном примере показатель посессива 1-го лица единственного числа при повторном употреблении слова выполняет эмфатическую функцию [Тужаров 1987: 68].

⁴ Не исключено, что и в примере (3) тоже можно говорить о десемантизации суффикса -ет.

В других финно-угорских языках посессивные показатели также используют в качестве усилительно-выделительных или указательных суффиксов, выполняющих функции эмфатических указательных частиц. Но при употреблении притяжательных суффиксов в указательно-выделительных значениях, дополнительных функций посессивности, суффиксы посессивности 2-го и 3-го лица единственного числа указывают не на посессора, а на предмет, заслуживающий обращения

Так, в коми языках носителями дейктической функции могут служить суффиксы принадлежности, в основном 2-го и 3-го лица. Даже при именах родства, обычно выражающих принадлежность, показатель посессива далеко не всегда выступает в качестве лично-притяжательного суффикса. В примере *Промыс нуны 3sg-dat шуо: «Сьорсьем вуже уна нуа». «Одной осенью отец-его отправился в город продавать добычу. Он сыновьям-своим сказал: «С собой везу много товара»*. Г. Ю. Кожевин справедливо считает суффикс -ыс в словоформе *бать-ыс* указательным на основании того, что «обозначенное лицо не соотносится с реальным посессором; здесь отец будет таковым для всех трех (по контексту) сыновей, а не только одному из них, как можно было бы предположить из суффикса -ыс. А в словоформе *пиян-ыс-лы* «своим сыновьям» суффикс -ыс соответствует посессору суффиксом -ыд (посессив 2-го лица единственного числа. — А. К.) встречается в монологической речи, то она, вне сомнений, является указательной, так как в данном акте коммуникации лицо, с которым бы осуществлялась речь, отсутствовало, напр.: *...а мёдыслён кодзалёма нин пусян пёртй-ыд ли рач-ыд* «...а у другой уже остыли котел да сковорода» [Там же: 98]. Более вероятно, что здесь, как и в приведенном ранее примере из марийского языка (*офицер-ем*), произошла полная десемантизация суффикса принадлежности: -ыд стал избыточным, утратив всякое значение, и это отражено в переводе, так как никакие указательные местоимения или частицы при словах «котел» и «сковорода» не используются.

В удмуртском языке, где подобно волжским и другим пермским языкам также есть анафорические значения у посессивных суффиксов, показатели -эз/-ыз (полюща множественного числа) выполняют указательные и выделительные функции при соединении не только с существительными, но и с прилагательными, когда необходимо выделить одно из нескольких однородных лиц (см. [Сий 1998: 124–125]):

УДМУРТСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

(5)	Бускель-ёс-лэн	бадзым-эз	пи-зы	арми-ысь
	сосед-pl-gen	старший-3sg	сын-3sg	армия-el
	берт-й-з	ини.		
	вернуться-prt-3sg	уже		
	<i>Соседей старший-то сын-их из армии вернулся уже.</i> [Там же]			

В пермистике наряду с высказанной точкой зрения на дейксис как на дополнительную функцию посессива есть и другое мнение на этот счет, большинством лингвистов, однако, оспариваемое. В финно-угроведении давно обсуждается вопрос о существовании самостоятельной выделительно-указательной категории в удмуртском языке, особенно подробно рассмотренный В. И. Алатыревым в его докладе на III Международном конгрессе финно-угроведов в Таллине [Алатырев 1970]. Основная для этого имеются, и сводятся они к ряду особенностей употребления (преимущественно в диалектах) показателей, посессивных в своей основе: выделительно-указательная категория представляет собой присоединение посессивных суффиксов к формам косвенных падежей. Например, фраза *Казань-ыс-ез* (Казань-EL-3SG) не к номинативу, а к формам косвенных падежей. Например, фраза *Казань-ыс-ез* («Из Казани-то сидит») превращается в *Казань-ыс-ез* (Казань-EL-3SG) *ми дорын пуке* «Из-Казани-то сидит», или иначе — «тот, (который) из Казани» [Там же: 78]. По мнению В. И. Алатырева, «выделительно-указательный аффикс образует в слове второе семантическое ядро, соответственно имеет свою парадигму» [Алатырев 1983: 586]. Это хорошо видно при сравнении примеров (6) и (7), взятых из «Краткого грамматического очерка удмуртского языка», написанного В. И. Алатыревым:

УДМУРТСКИЙ (ЛИТЕРАТУРНЫЙ)

- (6) а. Иван-лэн-эз
Иван-GEN-3SG
тот, принадлежность Ивана
б. Иван-лы-эз
Иван-DAT-3SG
тот, предназначенный Ивану
в. Иван-эн-эз
Иван-INST-3SG
тот, с Иваном
- (7) а. Иван-лэн-эз-лы
Иван-GEN-3SG-DAT
тому, который принадлежит Ивану
б. Иван-лэн-эз-тэк
Иван-GEN-3SG-ABESS
без того, который принадлежит Ивану
в. Иван-лэн-эз-лэсь
Иван-GEN-3SG-ABL
от того, который принадлежит Ивану

В словоформах (6) склоняется имя *Иван*; в (7) падежные морфемы, занимающие конечную позицию, относятся, как считает В. И. Алатырев, к суффиксу *-эз*, выделяющему кого-то, а не к имени *Иван*, оформленному генитивом в притяжательной форме (по В. И. Алатыреву, адессивом на *-лэн*. — А. К.). Точнее в данном случае было бы сказать, что показатель падежа относится к целому морфемному блоку *-лэн-эз*, который вкупе с корнем («тот/то, принадлежность Ивана; Иванов»)

становится производящей основой, служащей для образования новой словоформы (дativa, инструменталиса и других падежей). Полученное таким способом при пово-конструкция будет обладаемым по отношению к предшествующему имени и конструкций часто представляют большие трудности, что видно из следующего примера:

- (8) Шур ул-ын Гарась Петька-лэнь-ёс-ыз-лэнь-ёс-ыз
река(ном) низ-INESS Герасим Петька-GEN-PL-3-GEN-PL-3
куаш кар-о.
галдеть делать-PRS.3PL
Уречки (внизу) внуки Федора Герасимовича (перевод мой. — А. К.); т. е. дети детей, букв. Тераси-ма-Федьк-и-ихн-их-ихн-ие) шумят.

В. И. Алатырев вместо перевода обычно прибегает к перифразам, используя придаточные предложения и указательные местоимения. Приведенный пример у него выглядит в переводе так: «У речки шумят те, которые являются детьми сыноделают те (из них), принадлежащие тем (из них) являющимся Федора Герасимовича» [Алатырев 1970: 10]. Буквальный перевод показывает, что по-русски автор указывает принадлежность. Обсуждая проблемы трудностей перевода подобных (но более простых) конструкций, Энико Сий [1998: 127] склоняется к тому, чтобы вернуться к переводам Библии:

- (9) піосмурт-эз-лэн анай-ез-лэсь
муж-3SG-GEN мать-3SG-ABL
от матери ее мужа (= от ее свекрови)

что, возможно, разумно для имен родства и свойства, представляющих неотчуждаемую принадлежность, но далеко не всегда осуществимо в более сложных случаях. В результате нанизывания посессивных суффиксов, выполняющих одновременно выделительно-указательную функцию, возникает сложная цепная притяжательная конструкция, которая в целом может быть интерпретирована в одних случаях как адъективированное существительное, в других — как субстантивированное прилагательное.

Исследованные В. И. Алатыревым выделительно-указательные конструкции, выраженные суффиксом притяжательности (по сути своей кумулятивным) и квалифицированные им как самостоятельная грамматическая категория [Алатырев 1983: 586–587], частично напоминают посессивные формы адъективной репрезентации существительных в северных говорах селькупского языка, где возможно регулярное образование отыменных прилагательных на *-l'* (напр., *qaqly* «нарта», *qaqlyl'* «нартенный»), способных склоняться подобно существительным [Кузнецова и др. 1980: 190–196; Гашилов 1988]:

- СЕЛЬКУПСКИЙ
- (10) а. qaqłō-qył' (< qyn+ l') qum-yt
 нарта-LOC.ATTR LOC ATTR человек-PL
 в нарте находящиеся люди (букв. 'в-нартенные люди')
- б. qaqłā-qāl' (< qāk+ l') qum-yt
 нарта-LOC.1SG.ATTR LOC.1SG ATTR человек-PL
 в моей нарте находящиеся люди (букв. в-моей-нартенные люди)
- в. qaqłā-qāntu-l' qum-yt
 нарта-LOC.2SG.ATTR человек-PL
 в твоей нарте находящиеся люди (букв. в-твоей-нартенные люди)

Данное предположение, впрочем, требует более внимательного рассмотрения. В селькупском языке в сказках можно найти множество примеров использования посессива в качестве анафорической отсылки к указательной функции суффикса [Кузнецова и др. 1993]. Дейктическое значение регулярно появляется при вторичном упоминании о ком/чем-либо, как в примерах (11) и (12) [Там же: 28; 36–37]:

- (11) Ukkyr ira il-ymr-a rely-kōlyk.
 один старик жить-PRТ.NARR-3SG товарищ-CAR
 ukkyr pōr pō-qynu mōt-ty qorqu
 один раз снаружи/с улицы-EL чум-ILL медведь
 šēr-n-a ira-ty tom-n(y)-ty:
 войти-PRS-3SG старик-3SG сказать-PRS-3SG.O
 "Ukkyr-šak il-ent-l'".
 один-COLL жить-FUT-1DU
 Один старик жил одиноко. Однажды с улицы (снаружи) в чум медведь вошел. Старик-*том* сказал: «Вместе будем жить».

- (12) Ukkyr conto-qyn nīl'sy-l' ira tū-ŋ-a.
 один середина-LOC такой-ATTR старик прийти-PRS-3SG
 kuttar qo-ŋ(y)-ty il'ca-m-ty,
 когда/как увидеть-PRS-3SG.O дед-ACC-3SG
 ty tatty-ŋ(y)-ty il'ca-m-ty.
 сюда подвести-PRS-3SG.O дед-ACC-3SG
 Однажды такой старик пришел. Когда увидел деда-того, сюда [к костру] подвел деда-того.

Аналогичный пример приведен и в другой работе:

- (13) Qolty-t qanyq-qyn anty tott-a,
 река-GEN берег-LOC челнок стоять-PRS-3SG
 anty-ty lapy-kōl' e-ŋ-a.
 челнок-3SG весло-CAR быть-PRS-3SG
 На берегу реки челнок стоит, челнок-(э)тот без весла (есть).
 [Там же: 187]

Полифункциональность (или многозначность) суффикса посессива часто связывают с наличием противопоставления в языке отчуждаемой и неотчуждаемой (органической) принадлежности. Регулярное посессивное оформление существительных наблюдается в группах слов определенной семантики, имеющих неотчуждаемую принадлежность, таких как термины родства и свойства; анатомическая лексика; названия предметов личного обихода, небесных светил и др. У последних групп показатель личной принадлежности встречается не столь регулярно, как у двух первых. Это объясняется тем, что в древности явления природы, небесные светила связывались в сознании человека с существованием и деятельностью высшего божества (у селькупов это — *Nom* 'небо, Бог'), которому все в мире принадлежит и от которого все зависит. Отсюда становится понятным употребление посессивных суффиксов 3-го лица единственного числа в наименованиях явлений природы, небесных светил, отрезков времени: *cēly* / *cēly-ty* 'день, свет, солнце' (*soma cēly-ty* 'хорошая погода'); *pō-ty* 'год', *qary-ty* 'утро', *irā-ty* 'луна, месяц'. К настоящему времени старое миропонимание (не только у селькупов) в целом утратилось, и постепенно произошло переосмысление значения суффикса принадлежности, который стал трактоваться в словах такого типа как суффикс со значением **определенности**, выполняющий артиклеобразную функцию. На это обратил внимание уже М. А. Кастрен, а позднее неоднократно указывали многие исследователи [А. И. Кузьмина 1977; А. А. Ким 1980; Н. М. Терешенко 1966 и др.]. В отдельных случаях некоторые слова, означающие лиц, в сочетании с суффиксами принадлежности приобретают новое коннотативное значение:

- (14) а. qum — qum-my
 человек человек-1SG
 человек спутник, товарищ, напарник (букв. мой человек)
- б. ima — ima-my
 женщина женщина-1SG
 женщина жена (букв. моя женщина)
- в. ira — ira-my
 мужчина мужчина-1SG
 мужчина муж (букв. мой мужчина) [Кузнецова и др. 1980: 18–19; 188]

Естественно, что в этих словах (как, впрочем, и в терминах родства, о чем уже говорилось применительно к волжско-финским и пермским языкам) посессивный показатель нередко приобретает при их вторичном упоминании указательно-выделительное значение, сосуществующее с принадлежностным. Так, в следующем отрывке функция суффикса -ty (посессив 3-го лица единственного числа) может быть понята двояко — как значение и собственно посессивное, и дейктическое:

- (15) lmaqota nīl' tom-n(y)-ty iraḡota-qyn-ty:
 старуха так говорить-PRS-3SG.O старик-DAT-3SG
 "Koška-l'a-m-ī illä qāttu-l'".
 кошка-DMN-1DU вниз убить-OPT.1DU

lraqaṭa-tu старик-3sg	raŋ-(u)m-tu нож-acc-3sg	sely-mra-tu. точить-PRF.NARR-3sg.O
--------------------------	----------------------------	---------------------------------------

Старуха так говорит старику-своему: «Котенка-нашего (давай) убьем». Старик-еџ (старик-тот? Муж? Или просто старик?) нож точил. [Кузнецова и др. 1993: 41]

Очевидно, что если даже в словах, означающих неотчуждаемую принадлежность, возникает указательно-выделительный оттенок, то в случае отчуждаемой принадлежности тенденция к ослаблению признака посессивности и появлению вместо него значения детерминатива или демонстратива усиливается [Ким 1987: 13]. Более того, она становится возможной в определенных контекстах и для слов, применительно к которым вообще трудно говорить о категории принадлежности. В таких случаях собственно посессивное значение элиминируется, суффикс приобретает значение указательного местоимения (типа селькупского *na*) [Кузнецова 1996: 143], которое, в свою очередь, десемантизируясь, постепенно превращается в постпозитивную частицу, что видно и на приведенных примерах из марийского и коми языков со словами *офи-цер-ем*; *пёртй-ыд*, *рач-ыд* и что вполне допустимо в последнем примере из селькупского языка.

Помимо значения действительного (в расширенном понимании как демонстративно-детерминативного) уральский посессив может иметь также **вокативное значение**.

В истории удмуртского языка известны, начиная с XVIII в., случаи употребления суффикса посессивности в значении вокатива: *мынам пи-э* (современное *мынам пи-е* «мой сын-мой»), *дыды-э* (современное *дыды-е* «моя голубка») [Каракулов 2000: 47]. В коми языке посессивный суффикс 1-го лица единственного числа *-й*, как и суффикс *-э/-ы* в удмуртском языке, тоже может выполнять функцию обращения. О звательном-притяжательных суффиксах в **марийских** языках, сохранившихся в терминах родства и свойства и в наименованиях лиц, пишет Йорма Луутонен, подчеркивая их экспрессивный характер: *авай-ем* (мама-voc.1sg) «мама-моя!» («дорогая мама!») наряду с *авай!* «мама!» [Luutonen 1997: 75–76, 106]. В говоре Старого Торьяла при почтительном обращении к старой женщине говорят *кувай* «тетушка» (*кува* «старуха») и *кувай-ем* (старуха-voc.1sg), что соответствует обращению «моя дорогая тетушка!»; *ачай-кочай* (парное слово *ачай-воc.1sg-кочай-воc.1sg*, букв. «отцы-деды») *мелна шужо!* «предки/праотцы, пусть блины дойдут (до вас)!»), но *ачай-ем-кочай-ем мелна шужо!* означает в день поминовения умерших ласковое обращение к конкретным родственникам. Для аффективных звательных форм (помимо использования посессивных суффиксов) характерно чередование гласных в них, типичное вообще для многих языков мира (ср. [Кодзасов 1975]). Так, в староторьяльском говоре можно услышать не только *авай* и *авай-ем*, но и *авий* (*авий-ем*), *авий* (*авий-ем*) (*ава* «мать»), *акий-ем* (*ака* «старшая сестра; младшая тетка по матери»), *ачийем-авийем*. Парное слово *ача-ава* «родители» в данной звательном-притяжательной форме сохранилось в песне⁵.

⁵ Об оформлении парного слова *ача-ава* «родители» суффиксами посессива и падежа подробнее см. раздел II.5 «Тенденция парных существительных к цельнооформленности в луговом марийском языке».

Наконец, притяжательный суффикс (напр., в удмуртском языке суффикс 1-го лица единственного числа *-э/-ы*) может обладать значением субъективной оценки, а в формах обращения передавать оттенок ласкательности. Как считает В. К. Кельмаков, «удмуртская субъективная оценка имен существительных (дополнение мое. — А. К.) базируется на категории притяжательности, т. е. на обозначении принадлежности 1-го лица единственного числа: ласкательно то, что принадлежит мне, является **моим**» [Кельмаков 1996: 133]. В этом, по мнению автора, состоит отличие удмуртского языка от русского, в котором ласкательно то, что представлено в уменьшенном виде, о чем свидетельствует и название некоторых суффиксов как уменьшительно-ласкательных. В удмуртском языке вторичное значение притяжательного суффикса встречается в слове (особенно в диалектах, в фольклоре, а в последнее время и в литературном языке) одновременно с собственно ласкательным суффиксом как усиление, удвоение положительной субъективной оценки: *дыд-и-е* «папенька», *пи-ёк-е* «паренек», *нуны-ка-е-чебере* «дитяtko-красавица», причем возможны случаи не только постпозитивного, но и препозитивного положения суффикса притяжательности в функции ласкательности по отношению к суффиксу субъективной оценки, как в словах *лул-ы-ка-е* «душечка», *солм-ы-кай-э* «сердечко (мое)»⁶ и др. [Там же]. Приведенные здесь вне контекста примеры, взятые из статьи В. К. Кельмакова, в самом контексте выступают абсолютно все в функции обращения и могут дополнительно квалифицироваться как звательная (вокативная) форма существительного, что сопоставимо с вокативом в марийском языке.

В отличие от В. К. Кельмакова, Б. И. Каракулов интерпретирует суффиксы субъективной оценки, развившейся на базе притяжательных суффиксов, как оморфные по отношению к показателю посессивности [Каракулов 2000: 47], ориентируясь, возможно, на положение об однозначности морфем в агглютинативных языках. Но в таком случае придется и другие значения посессивных показателей считать оморфными суффиксам притяжательности. К ним надо будет отнести не только значение вокатива, но и анафорические значения указательно-выделительные (что фактически и делает В. И. Алатырев, не называя, впрочем, их омонимичными), а также значение определенности, усиления.

⁶ Любопытно отметить, что в русских говорах, где нет морфологического выражения посессивности, также существует удвоение уменьшительно-ласкательных суффиксов, их плеонастическое употребление (обычно с чередованием в суффиксах) в пределах одного слова: *гусь* → *гус-ёнок* → *гус-ёнок-ек* и даже *гус-ен-ёнок-ек*; *ручей* → *руче-ёк* → *руче-ёк-ек*; *голов-а* → *голов-к-а* → *голов-оч-к-а*; *руч-а* → *руч-к-а* → *руч-еч-к-а* или *руч-а* → *руч-ёнок-а* → *руч-ёнок-к-а* и т. п. В русском языке способны удваиваться не только диминутивные суффиксы, но и многие другие, напр., в древнерусском языке встречаются контактные повторы одного и того же суффикса со значением детеныша (*роб-ич-ичь/раб-ич-ичь* «сын рабыни», *брат-ич-ичь* «племянник по брату», *сестр-ич-ичь* «племянник по сестре», *господ-ич-ичь* «сын господина» и др.) или использование в слове разных суффиксов, обладающих одним и тем же значением abstracta nomina или nomina agentis (*служ-и-тель-никъ*, *врат-арь-никъ*, ср. часто встречающуюся рекуррентцию суффикса *-ость-ость* в современном русском языке типа *благ-ость-и-ость*, *цел-ость-и-ость*) и т. д. [Кузнецова 1987: 38; 1973: 147, 149].

Однако, несмотря на наличие многих значений у показателя посессива, в настоящее время еще недостаточно оснований для того, чтобы говорить об омонимии суффиксов посессива, дейксиса и детерминатива, а также вокатива, хотя обращение к синтаксису позволяет установить специфику проявления этих взаимосвязанных значений в сфере имени, глагола, отдельных конструкций и целого дискурса. Несомненно другое: можно говорить о кумуляции разных значений в показателе посессива, сходный набор которых встречается во многих (если не во всех) языках финно-угорской семьи: лично-притяжательные (в узком смысле слова посессивные) значения обладания, принадлежности (выделительно-указательное, шествуют со значениями дейктического характера (выделительно-указательное, определенное, усилительное), причем в некоторых группах слов первые значения определяются вторыми. Собственно посессивные значения имеют системный характер, а дейктические (в широком понимании) и вокативные — контекстуальный. Суффикс посессива служит анафорической отсылкой к дейксису.

При проведении типологических исследований необходимо не только учитывать данные факты, но и отражать их при глоссировании текста, выделяя конкретные контекстуальные значения или отмечая (что, как правило, не делается) десемантизацию последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алатырев 1970 — Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.
- Алатырев 1983 — Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка. Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 561–591.
- Васильев, Саваткова, Учаев 1991 — Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991.
- Гашилов 1988 — Гашилов А. И. Адъективные формы существительных в тазовском диалекте селькупского языка: Автореферат дисс. канд. филол. наук. Л., 1988.
- Каракулов 2000 — Каракулов Б. И. О проблемах, связанных с категорией посессивности в удмуртском языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 45–48.
- Кельмаков 1996 — Кельмаков В. К. 1996. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III. Jyvaskyla, 1996. С. 131–134.
- Ким 1980 — Ким А. А. О связи категории притяжательности с категорией определенности в селькупском языке // Языки и топонимия, вып. 7. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 100–106.
- Ким 1987 — Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: Дисс. канд. филол. наук. Тарту: Тартуский государственный университет, 1987.
- Коведяева 1993 — Коведяева Е. И. Марийский язык. // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 148–164.

- Кодзасов 1975 — Кодзасов С. В. Две заметки о звуковом символизме // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики 7. М.: Издательство Московского государственного университета, 1975. С. 148–164.
- Кожевин 2000 — Кожевин Г. Ю. Указательные и посессивные значения лично-притяжательных суффиксов современного коми языка // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 93–100.
- Кузнецова 1973 — Кузнецова А. И. Словообразовательный круг в русском языке. // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики 6. М.: Издательство Московского государственного университета, 1973. С. 145–151.
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушккина Е. В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М.: Издательство Московского государственного университета, 1980.
- Кузнецова 1987 — Кузнецова А. И. Реликты исчезнувших словообразовательных моделей в морфемной структуре русского языка // Деривация и история языка. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1987. С. 37–47.
- Кузнецова и др. 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект (учебное пособие). М.: Издательство Московского государственного университета, 1993.
- Кузнецова 1996 — Кузнецова А. И. Полифункциональность языковой единицы *na* в языке северных селькупов // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III. Jyvaskyla, 1996. С. 141–144.
- Кузьмина 1973 — Кузьмина А. И. 1973. К вопросу о категории притяжательности в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Издательство Томского университета. С. 68–70.
- Сий 1998 — Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest: Akademiai Kiado, 1998.
- Терещенко 1966 — Терещенко И. М. Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. III: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 376–395.
- Тужаров 1987 — Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.
- Luutonen 1997 — Luutonen J. The variation of morpheme order in Mari Declension // Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 226. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.